

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 93/94

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ: ПАМЯТОВАНИЕ ТАТАРСКОГО ПОЭТА В ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Э.М. Дусаева, Г.И. Гиматдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В начале XX в. фигура Габдуллы Тукая становится консолидирующей на этапе становления национальной идентичности татар. В статье рассматриваются юбилеи поэта с 1918 по 2016 г. Авторы, анализируя конструирование образа татарского поэта на протяжении XX – XXI вв., используют обширный круг источников (печатные издания, мемуары, монументы), помещая их в широкий историко-культурный контекст. В исследовательское поле зрения попадают также процессы памяти. Задавшись вопросом, в какой момент и каким образом память индивидуальная становится коммуникативной и постепенно переходит в культурную, авторы приходят к выводу, что прошлое осмысливается и актуализируется через коммеморативные практики. Юбилейные встречи на торжественных вечерах, у монументов и могилы поэта являются местом, где озвучивается утвердившийся в обществе миф о Тукае как национальном (народном) или советском поэте (в зависимости от периода). Они важны для определения прошлого, настоящего и будущего, консолидации группы, закрепления мифа.

Ключевые слова: коллективная память, коммуникативная память, культурная память, историческая память, национальная идентичность, коммеморация, коммеморативные практики, места памяти, юбилеи, национальный поэт, Габдулла Тукай

На рубеже XX – XXI столетий в отечественной гуманитарной науке появляются исследования, обращённые к проблемам национальной идентичности, памяти об исторических событиях и фигурах. Интерес, помимо прочего, вызывают объединяющая роль коллективных представлений и мифологизация прошлого.

Одним из инструментов формирования памяти и консолидации группы являются праздники и юбилеи. П. Нора называет их местами памяти [1, с. 26]. Вслед за французским исследователем в настоящей статье юбилеи рассматриваются нами в качестве коммеморативной практики, иными словами – формы коммеморации, под которой мы понимаем актуализацию прошлого в настоящем путём сохранения в памяти исторических событий или значимых фигур посредством самых разнообразных форм, будь то установка монумента, присвоение

имени улицам и иным объектам городского (сельского) пространства, открытие музеев, празднование юбилейных дат и проч.¹

Коммеморативное сознание рождается из потребности группы ощущать своё единство, подтвердить свою идентичность через обращение к общему прошлому. Коммеморативные практики, таким образом, есть не что иное, как комплекс средств и действий, поддерживающих память о прошлом (фигурах и событиях прошлого).

Исследователи, как правило, изучают коммеморативные практики, связанные с конкретными событиями или фигурами прошлого (см., например, [3]). Поскольку коммеморация находится на стыке различных дисциплин, то и инструментарий используется разный. Сама тема юбилея как коммеморативной практики нова, и, насколько нам известно, нет работ, посвящённых культурной памяти татар. Именно этим объясняется проблематизация материала.

Память об умерших является одной из форм культурного воспоминания [4, с. 67]. В истории татарского народа XX – начала XXI столетий Габдулла Тукай (Габдулла Мөхәммәтгариф улы Тукай, 1886–1913) – важная консолидирующая для национальной группы фигура. Имя поэта символично и увековечено в самых разнообразных формах, будучи соотнесено с пространством в материальном виде и со временем. Речь идёт о поминальных действиях, в том числе юбилейных, так называемых днях памяти, приуроченных ко дню рождения и смерти, монументах, музеях, наименовании улиц и иных объектов, печатных изданиях.

В наши дни, например, в Казани ежегодно 26 апреля у памятников Габдулле Тукаю организуется праздник. В этот день возлагаются цветы к подножию монумента в сквере Тукая на одноимённой площади и звучат стихи поэта в рамках праздничного митинга возле театра оперы и балета им. М. Джалиля (см. фото 1–2), также становятся известны лауреаты литературной премии им. Г. Тукая, учреждённой в 1958 г. (ГТИ).

Каждый период наполняет образ поэта своим идейным содержанием, исходя из запросов настоящего времени. Фигуру прошлого окружают мифы, являющиеся историей, воссозданной в воспоминании и претендующей на истинность и правдивость, но при этом они эмпирически не доказуемы. Миф – «истина высшего порядка, которая не просто соответствует действительности, но ещё и притязает на нормативность и обладает формирующей силой» [4, с. 81].

В рамках данной работы мы рассмотрим репрезентацию в периодической печати (на русском и татарском языках) 22 юбилеев Г. Тукая за период с 1918 по 2016 г.: двенадцать из них приурочены к годовщинам смерти поэта, десять – к празднованию дня его рождения. Преобладание первых над вторыми объясняется тем, что день рождения Тукая начали отмечать спустя три десятилетия после кончины поэта. В противовес юбилейным датам рождения, которые становились праздниками, годовщина смерти поэта являлась поводом для проявления скорби в связи с утратой.

Среди многообразия форм юбилейного памятования поэта наибольший интерес представляют 1) торжественные вечера и 2) встречи у места захоронения,

¹ Подробнее о коммеморации, в частности монументальной, см. монографию С.А. Еремеевой [2].

на кладбище Ново-татарской слободы в Казани (так называемые ритуальные² практики), а кроме того, 3) монументальная коммеморация. Их закрепление сразу после смерти поэта позволяет проследить процесс формирования памяти татарского народа за продолжительный период – с 1913 г. по настоящее время.

Начало будущему величию Г. Тукая было положено после его кончины. На страницах периодической печати в апреле 1913 г. появляются один за другим некрологи, затем воспоминания о нём друзей и знакомых, наконец, стихотворения-посвящения Тукаю. В редакции казанских газет приходили письма от читателей с соболезнованиями в связи с «утратой татарского народного поэта» (см., например, ИРФ, с. 186–190; ТЯ, т. 1, с. 731–961). Корреспонденция была фактически из всех мест проживания татарской общины на территории Российской империи (Поволжье, Москва и Санкт-Петербург, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, Крым, Польша) и зарубежной диаспоры (Турция и Китай). Известно, что в последующие годы там будут проходить памятные вечера, приуроченные к годовщине смерти поэта. Более того, участие в них в дореволюционную пору казахов и узбеков позволяет говорить о тюркомусульманской общности России (ТЯ, т. 2, с. 544–598).

Смерть Г. Тукая, возывев широкий общественный резонанс, ляжет в основание единения татар, находящихся в начале XX в. на этапе становления национальной идентичности. По оценкам М. Фридериха, никогда ранее татарский народ не знал подобной по масштабам и числу участников траурной процессии [6, с. 68–70].

Уход из жизни Тукая (в отличие от смерти рядового человека) становится событием публичным. Осознание близкой кончины и ухудшающееся состояние поэта стали причиной, по которой был приглашен фотограф. В больнице делаются снимки, которые разойдутся по всему миру в виде почтовых открыток [7, с. 30–33]. Позже они превратятся из фотографии субъекта в музейный объект. После кончины Тукая будет снята и посмертная маска, что также свидетельствует об определённом желании сохранить внешний облик поэта и зафиксировать память о нём. Коммеморативным в последующем станет место смерти – бывшая клиника Г.А. Клячкина³, где в 1968 г. по тем самым снимкам будет восстановлена палата⁴, в которой скончался поэт (МШЯ).

В апреле 1913 г. сделаны фотографии и самой похоронной процессии (БСЮ). Всем тюрко-татарским миром обсуждался вопрос об установке камня на могиле поэта в Казани и создание памятника Тукаю. Впервые идея прозвучала спустя 11 дней после кончины – в опубликованном редакцией газеты «Йолдыз» письме жителя Бухары [6, с. 92–93]. Однако предложение реализовано не было. Известно, что к 1916 г. создан первый бюст Габдуллы Тукая (см. [8, ил. 37]). Его автором мог

² Термин «ритуал», по У. Уорнеру, используются здесь не в узком религиозном смысле, а более широко – «любое социальное поведение, выполняемое ради выражения какого-то значения или значений, важных для соответствующей группы» [5, с. 117].

³ Сегодня здесь находится Министерство здравоохранения Республики Татарстан, ранее – родильный дом. На стене (со стороны ул. Кави Наджми) установлена мемориальная доска, сообщающая о том, что это «дом, в котором 15 апреля 1913 года скончался татарский народный поэт Габдулла Тукай» (фото 3).

⁴ Мемориальная комната сохранилась ввиду капитального ремонта здания на рубеже 1990–2000-х годов, однако создана новая. У её двери в коридоре помещены барельеф поэта и табличка с надписью «В этой комнате 15 (2) апреля 1913 года скончался великий поэт татарского народа Габдулла Тукай» (фото 4).

Фото 1. Памятник Габдулле Тукаю в сквере на пересечении ул. Пушкина и Островского, около озера Кабан

Фото 2. Памятник Габдулле Тукаю на ул. Театральная, возле театра оперы и балета им. Мусы Джалиля

Фото 3. Мемориальная доска на стене здания бывшей клиники Г.А. Клячкина

Фото 4. Мемориальная доска в коридоре у двери комнаты-палаты Тукая на первом этаже здания бывшей клиники Г.А. Клячкина

быть первый татарский скульптор-профессионал М. Байкеев, который работал в реставрационных мастерских Государственного Эрмитажа [8, с. 7–8].

В дореволюционный период на вечерах памяти собирались средства на благоустройство могилы (параллельно – на образование и благотворительность) как общенациональное дело (ТЯ, т. 2, б. 544–598; ИРФ, б. 170–174). Подобное, как представляется, говорит об особом статусе Тукая в народной среде. Неслучайно и в лексиконе часто по отношению к поэту фигурирует прилагательное *милли* («национальный»).

Фото 6. Могила Габдуллы Тукая на старой главной аллее Ново-татарского кладбища в Казани

Фото 5. Бюст Габдуллы Тукая в д. Кошлауч Арского района Республики Татарстан

Зародившиеся первые коммеморативные практики, а именно проведение вечеров памяти и встречи-поминания Тукая у могилы на кладбище, являют период памяти коммуникативной («горячей»)⁵, когда переживается внутренне и эмоционально, например в мемуарах современников. С 1914 по 1944 г. – тридцать лет – происходит, как было отмечено нами ранее, памятование смерти поэта. В этот период наблюдается так называемый конфликтующий характер памяти, потому что ещё не укрепился миф о Тукае, который бы распространил единый взгляд на его жизнь и творчество. В качестве примера приведём позицию одного хазрата из Уральска (Западный Казахстан), где Тукай прожил подростковые и юношеские годы: «Да знаю я вашего Тукая как пять своих пальцев и ругался на него»⁶ (ТЯ, т. 2, б. 564). Можно предположить, что эпатажное поведение⁷, критика и сатира, направленная на кадимистов⁸ (вспомним написанное в 1908 г. стихотворение «Осуле кадимче»⁹ (ГТ, б. 241–243)) (подробнее см., например, [10]), вызывали неприятие реакционного духовенства, представителем которого, возможно, являлся хазрат.

«Конфликты» прослеживаются после Октябрьской революции, особенно ярко на вечере памяти 1923 г., когда дело дошло до обсуждения политических взглядов Тукая (АШ). После обращения к его биографии и произведениям участниками дискуссии делается вывод о пролетарской, либерально-буржуазной, мелкобур-

⁵ Терминология Яна и Алейды Ассман (см. [4, 9]).

⁶ Перевод с татарского языка на русский здесь и далее Г.И. Гиматдиновой.

⁷ Ссылаясь на воспоминания современников Тукая, М. Фридерих характеризует поэта следующим образом: «Очевидно, Тукай не следовал полностью внешним и традиционным нормам татарской мусульманской религиозности. Он не соблюдал пост, очень часто ходил с непокрытой головой, что среди татар в то время считалось чуть ли не знаком антимусульманских настроений...» [8, с. 30].

⁸ Представители консервативного движения среди татар-мусульман в конце XIX – начале XX вв., выступавшие против религиозного реформаторства. Являлись оппонентами джадидистов.

⁹ Перевод под заглавием «Старометодник» см. в книге «Последняя капля слезы» (ДВТ).

жуазной, национальной или религиозной сущности Тукая и всего творчества. Таким образом, в 20-е годы налицо попытка присвоения фигуры поэта новой властью, которая взамен прежнего суждения о Тукае как поэте национальном («милли») провозглашает иную формулировку – *народный* («халык»).

В конце 20-х – начале 30-х годов творчество Тукая осуждается как религиозное и мелкобуржуазное (БТБ), что объясняется общесоветской культурной тенденцией этого времени, авангардной и революционной риторикой иконоборчества (см., например, [11]). С этим связано отсутствие упоминаний в периодике о вечерах памяти, проведении религиозных или иных ритуалов на кладбище, невозможность облечь в скульптурную форму образ поэта.

В конце 30-х годов можно увидеть коренной перелом: намечено масштабное памятование 25-й годовщины смерти поэта. С этого периода Тукай признан государством и входит в пантеон героев СССР, представляя в большой советской семье татар. Подчёркивается идея наставничества русских классиков – Пушкина и Лермонтова (НПТ, с. 5), что соответствует общественно-политической идее иерархии народов Союза. В ней у Тукая двоякая роль. Он одновременно ученик русских поэтов и писателей и учитель для народов Волго-Уралья и тюркских этносов СССР.

В 1938 г. учреждена государственная (на уровне Татарской АССР) юбилейная комиссия, которой в числе прочего принято решение об установке памятника и благоустройстве могилы поэта (ХШГТ). Однако, кроме наименования Атнинского района Тукаевским, ни одно из решений этого специального органа не было реализовано. Более «конфликтующий» характер памяти о Тукае внутри национальной группы татар не прослеживается, что означает достижение согласия в обществе и начало всеобщего признания «татарского народного поэта».

В 1946 г. празднование 60-летия Тукая выходит за пределы татарской национальной группы, получая всесоюзный статус. Оно проходит масштабно в Москве. Тогда власть вернётся к решениям 1938 г. и возьмётся за их осуществление: приведут в порядок могилу поэта, Садри Ахун (Садретдин Сэлэхетдин улы Ахунов, 1903–1990) будет работать над казанским памятником Тукаю, торжественное открытие которого в сквере на пересечении ул. Пушкина и Островского состоится спустя 12 лет. В год 60-летия поэта цветы на кладбище в Новотатарской слободе возложат вне связи с днями Тукая¹⁰ – в июне (ХКУ). Это, как представляется, бесспорное свидетельство неукоренившейся в обществе традиции памятования у места захоронения.

Первое празднование дня рождения поэта, задуманное ещё в 1936 г., не было реализовано из-за отсутствия заблаговременной подготовки (ФКУ). Таким образом, вплоть до 40-х годов как событие близкого прошлого распространено памятование смерти поэта. В последующие десятилетия зарождается празднование в связи с датой рождения Тукая.

В журнально-газетных материалах обращает на себя внимание смена (вариативность) наименований. Так, былой «вечер памяти» постепенно вытесняют «торжественные мероприятия», «литературные/литературно-музыкальные вечера». Наиболее отчётливо преобладание юбилейного празднования дня рождения

¹⁰ Поэт родился и умер в апреле.

Тукая проявится в 50-е годы XX в. Ни один из выступающих на открытии вышеупомянутого памятника в Казани не вспомнил о 45-летию со дня смерти поэта, хотя идея создания и установки монумента возникла в 1938 г. (в свете 25-летия со дня смерти) и относилась к следующей юбилейной годовщине в 1943 г.

Несмотря на обозначенные нами выше намерения, первый памятник Г. Тукаю был установлен в год 70-летия со дня рождения в деревне Кошлауч Арского района республики (ПП, ХСА). Это бюст работы И.А. Новоселова (фото 5). Таким образом, в 1956 г. (спустя 43 года со дня смерти Тукая) впервые получает реализацию план монументальной коммеморации поэта.

С появлением в конце 50-х годов в городском пространстве Казани памятников Тукаю центральное место при освещении коммеморативных практик на страницах местных печатных изданий занимает поэтический митинг (праздник поэзии), который вскоре приобретёт характер институализированной практики и будет проходить повсеместно. Интерес к вечерам памяти постепенно угасает.

В 1956 г. по распоряжению властей могила Тукая была облагорожена. «Когда – уже недавно – снова взялись за реконструкцию надгробья поэта, прежний постамент был разобран. И открылась гранитная плита, лежавшая в его основании, а на ней высечено: “Мария Андреевна Толстая. Род. 17 апреля 1827 г. Сконч. 9 февраля 1893 г.”», – пишет М. Юдкевич [12]. Этот факт лишней раз подтверждает прагматичный, по определению С.Ю. Малышевой, характер советской культуры [13]. При строительстве дорог и парков разрушали кладбища, а камни с дореволюционных могил использовали, например, в качестве основания-плиты для нового надгробного камня, как в случае с могилой Тукая.

Реальные шаги в увековечивание памяти поэта (не только установка памятников в Кошлауч, Казани, а затем Новом Кырлае и т. д., обелиска на могиле, но и открытие музеев) стали возможны в условиях оттепели, когда проявился у татар и интерес к своему прошлому – *мирасизм* (от араб. الإرث – наследство), если оперировать словами Э. Лаззерины [14]. Время отдаляет, и появляется необходимость закрепить память о поэте в материальной форме. На наш взгляд, указанное американским исследователем явление связано с обостряющимся чувством памяти, желанием помнить и восстановить события и фигуры прошлого из забвения. Справедливо отмечает П. Нора: «Чем меньше память переживаема внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в осязаемых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует» [1, с. 28].

С отчуждением хронологически периода жизнедеятельности Г. Тукая, уходом в мир иной его современников на смену носителям воспоминаний приходят хранители знания: писатели, поэты, филологи – активные участники и почётные гости встреч. Остывающую «горячую» живую память-мемуары о Тукае во второй половине XX в. они активно собирают: записывают на кассеты (МШЯ) и издают (ТИЯ), таким образом распространяя в массы.

Начиная с 60-х годов XX в. идёт поиск «новых» заслуг Тукая перед татарским народом. Учёные мужи республики работают над конструированием образа «великого поэта», который из трудов специалистов попадает в периодическую печать и школьные учебники, получая возможность воздействовать на широкие круги населения.

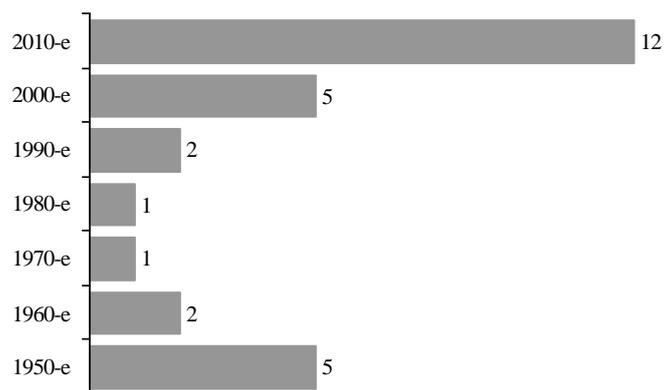

Рис. 1. Число установленных памятников Г. Тукаю по десятилетиям

Всесоюзный масштаб юбилей в честь 100-летия со дня рождения получит в 1986 г. (включённый в список памятных дат ЮНЕСКО) (ГТЮ). Число монументальных памятников увеличивается (начиная с 1956 г.) до девяти (см. рис. 1 и табл. 1).

Вероятно, в 1986 г. с могилы Тукая убрали ограду (фото 6). Место захоронения оказалось вынесено в пространство, где проводили светские и религиозные ритуалы поминания поэта. С одной стороны, отсутствие таковой приближает присутствующих к «вечному» Тукаю, а с другой – территория могилы без ограды теряет статус захоронения, становясь памятником, артефактом прошлого (одной из точек опоры).

В конце 80-х – начале 90-х годов, период перестройки и распада СССР, по-новому интерпретированы биография и творчество Тукая. Его образ, как показывает анализ школьных учебников и периодической печати данного периода [15–17], наполняется национальным содержанием. Увековечивание памяти поэта выразится в возросшей в два раза установке памятников, что наглядно демонстрирует табл. 1, смене могильного обелиска на более крупный (КЛВ), стремлении перебороть советские успехи в памятовании поэта. Во всём этом мы видим следствие желания помнить, а также поиска основ для подкрепления идентичности и организации исторической памяти. Современная мемориальная культура, безусловно, основывается на предыдущем опыте, советском. Преемственность прослеживается в формах коммеморации: постсоветский период работает с прежними символами, придавая им иной смысл.

В 90-е годы заметно определённое оживление: открываются неизвестные ранее страницы в биографии поэта, публикуются материалы, в которых проявляется активный интерес к памятованию смерти Тукая (БСЮ, ИГМ, СХТ, ШАК, ЮАШ). Зримо влияние религиозного возрождения и национальной риторики. Причина происходящего состоит в самом характере памяти: она всегда извлекает из прошлого актуальное сегодня, нечто важное для самосознания и идентификации группы.

Табл. 1

Памятники Г. Тукаю, установленные по 2016 г. включительно (в том числе сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации)

Год	Место установки	Вид скульптуры	Скульптор	Примечание
1956	Татарстан, Арский район, д. Кошлауч, ул. Тукая	Бюст	И.А. Новосёлов	
1956	Татарстан, г. Казань, ул. Театральная	Статуя	Е.И. Шулик	
1957	Татарстан, Арский район, с. Новый Кырлай, ул. Центральная, д. 2 (возле школы)	Бюст	И.А. Новосёлов	Копия первого памятника, установленного в 1956 г. в д. Кошлауч
1958	Татарстан, г. Казань, ул. Пушкина	Статуя	С.С. Ахунов, Л.Е. Кербель, Л.М. Писаревский	Включён в перечень объектов культурного наследия федерального значения
1958	Татарстан, г. Казань, ЦПКиО им. М. Горького	Бюст	И.А. Новосёлов	Утрачен
1967	Татарстан, г. Альметьевск, ул. Ленина	Бюст	С.С. Ахунов	
?	Татарстан, г. Бугульма, ул. Гоголя, д. 64 (возле лица № 2)	Бюст	Неизвестен	
1976	Татарстан, Арский район, с. Новый Кырлай, ул. Центральная, д. 4а (на территории литературно-мемориального комплекса)	Статуя	Б.И. Урманче, И.А. Новосёлов	
1986	Татарстан, Арский район, с. Новый Кырлай	Композиция «Древо поэзии»	И.М. Ханов	
1991	Татарстан, г. Нижнекамск, ул. Юности	Бюст	Б.И. Урманче	
1992	Татарстан, г. Нижнекамск, ул. Ахтубинская (на территории многопрофильной больницы)	Статуя	Неизвестен	
2000	Татарстан, г. Лениногорск, на пересечении пр-та Ленина и ул. Тукая	Бюст	Неизвестен	
2001	Казахстан, г. Уральск, пр-т Достык-Дружба (в сквере детско-юношеской библиотеки им. Х. Есенжанова)	Бюст	М.М. Гасимов	
2003	Татарстан, г. Арск, при-вокзальная площадь	Бюст	Неизвестен	
2005	Татарстан, г. Казань, ст. метро «Площадь Тукая»	Бюст	Неизвестен	
2006	г. Санкт-Петербург, ул. Зверинская	Статуя	А.Г. Зиякаев, Я.Я. Нейман	

2011	Татарстан, г. Набережные Челны, сквер им. Г. Тукая (возле дома 16/09)	Статуя	В.А. Демченко	
2011	Турция, г. Анкара, ул. Тукая	Статуя	А.М. Минулина	
2011	г. Москва, на пересечении ул. Ново-Кузнецкая и Малого Татарского переулка	Статуя	С.А. Щербаков	
2011	Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Строителей, д. 15 (на территории школы № 22)	Бюст	Р.Ш. Муляшов, И.Б. Гайнуллин	
2012	Турция, г. Стамбул, Эюп, пр-т Силахтарага, парк Татар Милли Шаири Габдулла Тукай	Бюст	А.М. Минулина	
2013	Пермский край, с. Барда, парк Г. Тукая на пересечении ул. Советской и Куйбышева	Бюст	Неизвестен	
2013	г. Астрахань, Советский р-н, на пересечении ул. Александра и Адмирала Нахимова	Статуя	Б.И. Урманче, В. Авдеев	
2014	Татарстан, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55	Бюст	Усама эль-Серуи	Первоначально на 4-м этаже здания Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ, где располагается Центр арабской культуры «Аль-Хадара», были установлены две скульптуры. В настоящее время – рядом с Ресурсным центром по развитию исламского и исламоведческого образования (2-й этаж)
2014	Татарстан, г. Елабуга, пр-т Мира, 11-й мкр. (возле школы № 1)	Статуя	В.А. Демченко, А.В. Головачёв	
2015	Татарстан, г. Азнакаево, на пересечении ул. Тукая и Гагарина (рядом с парком Тарсус)	Бюст	Х.Х. Миннегалиев	
2016	Казахстан, г. Семей, набережная р. Иртыш	Бюст	Неизвестен	
2016	Удмуртия, г. Ижевск, ул. Депутатская, д. 40а (в здании гимназии № 6)	Статуя	Неизвестен	Уменьшенная копия скульптуры, установленной в 2006 г. в Санкт-Петербурге

В постсоветской России на могиле Тукая восстанавливаются религиозные ритуалы. Данный контекст определяет содержание образа: «Тукай был мусульманином» (СХТ). Отсюда соответствующий характер коммеморативных практик, приуроченных к дням поэта. Для тюрко-мусульманской общины важно признание религиозности Тукая, отец и дед которого, как известно, были служителями ислама, а соответственно – отказ от советской интерпретации его убеждений как атеиста.

Из года в год в «нулевые» памятование фигуры Тукая повторяет один и тот же сценарий, установившийся в предыдущие десятилетия. Институционализация коммеморативных практик и пафос ответственности на празднованиях дней Тукая – свидетельство затвердевания памяти. Культ поэта (как традиция в виде устоявшихся и неизменных форм) вызывает критику внутри татарской национальной группы и поиски других способов, которые встроили бы «охладевающую» память в современный контекст. Как результат в 2006 г. появляется гражданская инициатива – акция «Я говорю по-татарски!» («Мин татарча сөйләшәм!»), которая связала дату рождения Тукая с Днём родного языка. Идею креативного центра «Үзбөз» ежегодно 26 апреля в Казани воплощает в разного рода мероприятиях (будь то фотомарафон, квест-игра, вручение антипремии, гала-концерт и т. п.) Всемирный форум татарской молодёжи при поддержке Министерства культуры РТ, Министерства образования и науки РТ, Исполкома г. Казани и Всемирного конгресса татар (см., например, МТС). Целью мероприятия называют актуализацию и популяризацию татарского языка и культуры, что находится под влиянием риторики об их не востребоваемости среди молодёжи, его исчезновения. Сегодня татарский форум стремится говорить о Тукае как герое своего времени, человеке, у которого были вредные привычки¹¹ и определённый склад характера («вольный анархист»¹²), тем самым приближая его к современной молодёжи.

Имеющийся в нашем распоряжении материал демонстрирует отсутствие единства в общественном мнении. На характер «холодной» памяти сегодня указывает то, что большинство не трогает пафос речей, связанных с памятованием поэта, безразличны сложившиеся традиции, не осознаётся значимость и символичность места его захоронения. В коммеморативных практиках участвует сравнительно небольшая группа людей, почитающих Тукая – «солнце татарской поэзии»¹³ – и соблюдающих ритуал.

Образ «великого» Г. Тукая узнаваем в среде татар и остальных жителей республики. В ходе традиционных празднований устойчиво звучат одни и те же характеристики поэта. За век он обрёл долговечную форму, застыл, то есть проявляется разрыв между обществом и Тукаем как отдалённой абстракцией.

¹¹ Н.Ф. Гил, к примеру, замечает: «...в Уральске Тукай начал курить, от чего до конца жизни никак не мог избавиться. В Санкт-Петербурге, в издательстве газеты “Нур”, где он оказался по приглашению Сафы Баязитова, “в помещении стоял плотный табачный дым”, и как вспоминает Тукай: “Хорошо это, значит, здесь свобода молодёжи выше, чем мусульманские чувства хозяина!” А в гостях у Мусы Бигиева, Тукай писал: “Лежу больной в постели, в которой спит Муса-эфенди, кашляю и по привычке курю папиросы”» [18].

¹² «Я в Казани хожу как большой шалопай», – напишет сестре Газизе в 1910 г. Тукай (цит. по [18]).

¹³ Согласно М. Фридриху, Фатих Сайфи-Казанлы, являвшийся при жизни Тукая одним из его известных и благосклонных критиков, установил, что Тукай не только луна татарской истории, но и её солнце, а для М. Гафури, поэта и современника Тукая, он был не только «солнцем литературы», но и «солнцем татар» [6, с. 23].

Этот косный характер очевидного процесса вызывает отторжение, поэтому и возникает стремление актуализировать память, найти другие формы коммеморации (МТС).

Среда, в которой происходило памятование Тукая до Октябрьской революции 1917 г., – это тюрко-мусульманский мир Российской империи. В советское время известно о мероприятиях, проводимых преимущественно внутри ТАССР (1946 и 1986 годы будут иметь всесоюзный охват – уровень СССР). В постсоветский период памятование проходит главным образом в Татарстане, а также в национальных общинах, проживающих за пределами республики, в других субъектах Российской Федерации, и татарских диаспорах Казахстана и Турции. Местный уровень коммеморативных практик в публичном пространстве XXI столетия дополняется более широким освещением соответствующих мероприятий на территории России и за границей: в Астрахани, Йошкар-Оле, Москве, Самаре, Стамбуле, Уфе... (см., например, МКУ, УКУ, ТОГ, ЙОК, ВЗТ, АТК, ИТК).

В этой связи немаловажную роль играет установка памятников Тукаю за пределами Татарстана (подробнее см. выше в табл. 1). Как правило, возле монумента и проходят празднования. Образ-символ татарской нации и культуры в лице Тукая активно пропагандируется республиканской властью за пределами Татарстана через установку монументов и проведение праздничных мероприятий. Однако, несмотря на расширение географии памятования Тукая в постсоветский период, мы не можем говорить о всеохватывающем характере коммеморативных практик членами национальной группы или жителями Республики Татарстан. Календарная дата, говоря словами А. Ассман, это лишь повод, «которым каждый волен воспользоваться по собственному усмотрению в соответствии с индивидуальными интересами и мотивацией» [9, с. 19].

Очевидна тенденция к экстернализации (отторжению и неприятию) предшествующего периода прошлого: для советского времени критика дореволюционного. В настоящее время происходит интернализация (освоение) дореволюционного прошлого и восприятие 70 лет существования СССР как разрыва с первоначальной традицией, то есть *экстернализация советского прошлого*.

Рассмотренный период позволяет увидеть переход от памяти коммуникативной к памяти культурной. С уходом живого воспоминания память «охлаждается», превращается в мраморную структуру. В силу отдаляющегося прошлого появляется потребность зафиксировать память в материальной форме, когда воспоминание находится под угрозой забвения. На наш взгляд, этот процесс применительно к Г. Тукаю происходит в 40–50-х годах. Поэтому начиная с 1956 г. торжественно открываются памятники (табл. 1) и музеи (табл. 2), устанавливаются/переустанавливаются надгробные камни на могилах Тукая и его родных (ПИК, НМО, МВС). С этого периода памятование происходит не только на вечерах памяти и кладбище. Оно выходит в городское пространство к монументам и в музеи. На «холодный» характер указывает пафос ответственности, шаблонность ритуалов и воспроизводство устойчивых форм. На этих встречах, организуемых по одному сценарию из года в год в том же виде, лишённые эмоционального воздействия речи вызывают лишь благоговение перед фигурой поэта.

Табл. 2

Музеи Г. Тукая, открытые по 2016 г. включительно (в том числе сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации)

Год	Место	Форма	Примечание
1968	Татарстан, г. Казань, ул. Островского, д. 11/6	Мемориальная комната-палата	Здание клиники Г.А. Клячкина включено в перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения
1976	Татарстан, Арский район, с. Новый Кырлай, ул. Центральная, д. 4а	Литературно-мемориальный комплекс	Усадьба крестьянина Сагди, в которой в 1892–1894 гг. жил Г. Тукай, включена в перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения
1986	Татарстан, г. Казань, ул. Тукаевская, д. 74	Литературный музей	Дом Шамиля включён в перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения
1996	Татарстан, Арский район, д. Кошлауч, ул. Тукая, д. 61	Дом-музей	Усадьба муллы М.М. Тукаева, где 26 апреля 1886 г. родился Г. Тукай, включена в перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения
2006	Казахстан, г. Уральск, ул. Тайманова, д. 57	Дом-музей	Здание, принадлежавшее семье Тухватуллиных, глава которой, как принято считать, оказал влияние на Г. Тукая в 1895–1907 гг., находится под государственной охраной местного значения как памятник истории и архитектуры
После 2014	Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 14/59	Мемориальная комната	

Существование коммуникативной памяти Я. Ассман определяет периодом, равным 80–100 годам. Объяснение явному троекратному сокращению этого этапа кроется в силе перемен 1917 г., насыщенных событиями 20–30-х годов (смертность и эмиграция населения в годы войн и революций, голода и т. д.). Контркультура и иконоборчество 20-х годов, выборочное присвоение дореволюционного прошлого 30-х годов ускорили переход от коммуникативной к культурной памяти Г. Тукая. Свидетельством тому, как представляется, служит:

- 1) учреждение с 1938 г. праздников;
- 2) преобладание с 1946 г. празднований рождения поэта (далёкое событие) над памятованием смерти (близкое событие);
- 3) ритуализированность практик;

4) появление специалистов-хранителей знания (филологи, историки, литературоведы), которые приходят на смену носителям воспоминания;

5) мифологизация фигуры поэта.

Осмысление прошлого, его репрезентация и актуализация совершается через коммеморативные практики. На вечерах и встречах у памятников и могилы проговаривался утвердившийся в обществе миф о Тукае как национальном поэте тюркок-татар, народном татарском или советском поэте (в зависимости от периода). Собрания были тем полем, где происходила оценка прошлого, настоящего и будущего, то есть вырисовывалась картина мира. В дореволюционную пору преобладает риторика о распространении просвещения среди татарского народа. В советское время говорят о достижениях социалистического общества и светлом коммунистическом будущем. Сегодня на повестке забота о сохранении родного (татарского) языка, коим является язык Тукая, и национальной идентичности татар.

Источники

- АТК – Әстерханда Тукай көннәре // Ватаным Татарстан. – 1996. – 17 апр. – № 79. – Б. 1.
- АШ – Шамов А. Бер кичәдә (Истәлек) // Казан утлары. – 1966. – № 1. – Б. 3–14.
- БСЮ – Бәширов З. Соңгы юлга озатканда // Мирас. – 1993. – № 4. – Б. 69–83.
- БТБ – Бакиров Г. Татар балалар әдәбияты турында // Яналиф. – 1932. – № 1/2. – Б. 72–78.
- ВЗТ – Вафин З. Тукайны искә алып // Татар иле. – 1996. – Май. – № 18. – Б. 1.
- ГТ – Тукай Г. Әсәләр: биш томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – Т. 1: Шигырьләр. Поэмалар (1901–1908). – 406 б.
- ГТИ – Габдулла Тукай исемендәге премия. Хроника // Совет әдәбияты. – 1958. – № 5. – Б. 125.
- ГТЮ – Габдулла Тукай юбилеена // Социалистик Татарстан. – 1986. – 26 март. – № 72. – Б. 1.
- ДВТ – Тукай Г. Последняя капля слезы: Стихотворения / Пер. с тат. В.С. Думаевой-Валиевой. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2016. – 383 с.
- ИГМ – Исхакый Г. Мәрхүм Тукай // Мәдәни жомга. – 1996. – 23 май. – № 21. – Б. 2.
- ИРФ – Исламов Р.Ф. Тукайны өйрәнүдә яңа чыганаclar: фәнни мәкаләләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2016. – 191 б.
- ИТК – Истанбулда – татар китаплары // Казан утлары. – 1996. – № 4. – Б. 190.
- ЙОК – Йошкар-Олада // Казан утлары. – 1996. – № 6. – Б. 190.
- КЛВ – Камалова Л. В Казани торжественно открыт обновлённый надгробный памятник Габдулле Тукаю // ИА «Татар-информ». – 2011. – 27 окт. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2011/10/27/291185>, свободный.
- МВС – Малахальцев А. «Всех сердец теплей и мягче надмогильный камень твой» // Республика Татарстан. – 2006. – 15 июля. – № 142. – URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-kult-34958/>, свободный.
- МКУ – Мәскәүдә // Казан утлары. – 1996. – № 6. – Б. 190.
- МТС – Мин татарча сөйләшәм! – Я говорю по-татарски! // Казан. истории. – 2015. – 14 апр. – URL: <http://history-kazan.ru/v-kurse-sobytij/fakty-i-kommentarii/15766-min-tatarcha-s-jl-sh-m-ya-govoryu-po-tatarski>, свободный.

- МШЯ – *Магыйзов М.* Шагыйрь яткан палатада // Социалистик Татарстан. – 1983. – 24 апр. – № 96. – Б. 3.
- НМО – *Низамиев М.* Олуг юбилей мәшәкатләре // Мәдәни жомга. – 1996. – 29 март. – № 13. – Б. 4.
- НПТ – *Надҗми К.* Предисловие // Тукаев А. Избранные стихи: (К 50-летию со дня рождения). – Казань: Таткнигоиздат, 1936. – С. 3–6.
- ПИК – Казань в памятниках истории и культуры. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1982. – 336 с.
- ПП – Приложение № 2 к Постановлению Совмина ТАССР от 13 янв. 1961 г. № 21 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры Татарской АССР» // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – URL: <https://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/2349026>, свободный.
- СХТ – *Салихҗан Х.* Тукай кем ул? Әһле, исламмы, әллә кяферме? // Татар иле. – 1996. – Апрель. – № 12. – Б. 7.
- ТИЯ – Тукай турында истәкләр / Сост. И. Нуруллин, Р. Якупов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. – 256 б.
- ТОТ – Тукайны олуглап // Татар иле. – 1996. – Май. – № 17. – Б. 5.
- ТЯ – Тукай – ядкярләрдә: 2 т. / Төз. Р. Исламов, Ж. Миңнуллин. – Казан: Жыен, 2015. – Т. 1: Истәкләр, мәкаләләр, тәҗзияләр, телеграммалар. – 967 б.; Т. 2: Мәкаләләр, шигырьләр, төрлеләр. – 719 б.
- УГТ – Умер Габдулла Тукай // Татарская деловая газета «eТатар». – 2011. – 14 апр. – URL: <http://etatar.ru/18/39830>, свободный.
- УКУ – Уфада // Казан утлары. – 1996. – № 6. – Б. 190.
- ФКУ – *Файзи А.* Тукай турында // Совет әдәбияты. – 1936. – № 5. – Б. 55–58.
- ХКУ – Хроника // Казан утлары. – 1946. – № 6. – Б. 120.
- ХСА – Хроника // Совет әдәбияты. – 1956. – № 10. – С. 127.
- ХШГТ – Халык шагыйре Габдулла Тукай көннәре алдыннан // Кызыл Татарстан. – 1938. – 26 март. – № 69. – Б. 4.
- ШАК – *Шарипов А.* Казанга Тукай мәйданы кирәк // Мәдәни жомга. – 1996. – 26 апр. – № 17. – Б. 5.
- ЮАШ – *Юнысова А.* Шагыйрь шәжәрәсе кичәсе // Ватаным Татарстан. – 1996. – 25 апр. – № 85. – Б. 3.

Литература

1. *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 17–50.
2. *Еремеева С.А.* Памяти памятников. Практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. – М.: РГГУ, 2015. – 529 с.
3. *Галямичев А.Н.* Ян Гус в исторической памяти народов Европы // Диалог со временем. – 2015. – Вып. 53. – С. 107–118.
4. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 368 с. (Studia historica)
5. *Уорнер У.* Живые и мёртвые / Пер. с В.Г. Николаева. – М.; СПб.: Унив. кн., 2000. – 671 с.
6. *Фридерих М.* Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы / Пер. с нем. И.А. Гилязова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. – 343 с.

7. *Ахметова Д.И.* Тукай в фотографиях. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – 48 с.
8. *Кривошеева Т.Н.* Особенности развития скульптуры Татарстана (истоки, становление, продолжение традиций): Дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2010. – 231 с.
9. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Нов. лит. обозрение, 2016. – 232 с. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»)
10. *Ганиева Р.К.* Сатира в творчестве Тукая: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1964. – 20 с.
11. *Clark K.* Petersburg: Crucible of Cultural Revolution. – Harvard: Harvard Univ. Press, 1998. – 377 p.
12. *Юдкевич М.* Печальная тайна могилы Тукая раскрыта // Вечерняя Казань. – 2011. – 1 сент. – URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/pechalnaya-tayna-mogily-tukaya-raskryta.html>, свободный.
13. *Мальшева С.Ю.* Красный Танатос: некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. – 2016. – № 2. – С. 22–46.
14. *Lazzerini E.J.* Tatarovedenie and the “New Historiography” in the Soviet Union: Revising the Interpretation of the Tatar-Russian Relationship // Slavic Review. – 1981. – V. 40, No 4. – P. 625–635.
15. *Гиматдинова Г.И.* Образ Г. Тукая в школьных учебниках 1930–1980 гг. // Итог. науч.-образ. конф. студ. Казан. фед. ун-та 2014 года: Сб. ст.: в 7 т. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – Т. 1. – С. 204–206.
16. *Гиматдинова Г.И.* Образ Г. Тукая в школьных учебниках 1990–2000 гг. // Сб. тез. Всерос. 49-й науч. студ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2015. – С. 126–127.
17. *Гиматдинова Г.И.* Формирование образа Габдуллы Тукая в культурной памяти // Итог. науч.-образ. конф. студ. Казан. фед. ун-та 2015 года: Сб. ст.: в 7 т. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – Т. 3. – С. 41–42.
18. *Гил Н.Ф.* Габдулла Тукай. Имя скромное моё: в 4 ч. – URL: http://samlib.ru/g/gil_n_f/, свободный.

Поступила в редакцию
30.04.17

Дусаева Энже Мидхатовна, кандидат культурологии, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: edusaeva@gmail.com

Гиматдинова Гузелия Ильдусовна, аспирант кафедры всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gimatdinovagi@gmail.com

Gabdulla Tuqay: Anniversary Commemoration of the Tatar Poet*E.M. Dusaeva**, *G.I. Gimatdinova****Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: **edusaeva@gmail.com*, ***gimatdinovagi@gmail.com*

Received April 30, 2017

Abstract

The commemorative practices relating to the anniversary dates of the Tatar poet Gabdulla Tuqay (from 1918 to 2016) have been discussed. The commemorative meetings and celebrations, as well as building of monuments to G. Tuqay and a tombstone on his grave, and opening of museums have been considered as commemorative practices. The development of the image of the Tatar national poet during the 20th – 21st centuries has been also analyzed. The paper touches upon the collective memory and national identity of the Tatars. The relevance of the study is determined by the fact that the problem of anniversary commemoration has been little investigated, and there are not enough works on the cultural and historical memory of the Tatars. The image and works of G. Tuqay have been thoroughly studied by philologists, literary critics, historians, but the problem of anniversary commemoration of the poet has been raised for the first time. The paper is based on the methodology of studies on commemoration. The terms were introduced by Jan and Aleida Assmann and Pierre Nora. Since the phenomenon of commemoration represents an interdisciplinary field, various methods have been used to analyze the texts and visual sources. The paper cites a number of examples proving that the period of transition from the communicative to cultural memory becomes shorter under the conditions of the cultural change and events of the 1920s–1930s that took place in the Soviet Union. This conclusion is proved by the following facts: firstly, state holidays were arranged in honor of G. Tuqay starting from 1938; secondly, the celebrations of G. Tuqay's birth (distant event) dominated over the commemoration of death (close event) since 1946; thirdly, the ritualization of commemorative practices and the mythologization of G. Tuqay's image as a characteristic feature of the cultural memory can be noted; fourthly, the bearers of memories (communicative memory) turned out to be replaced by the experts keeping them (philologists, historians, literary scholars). Based on the results of the study, the conclusion has been made that we can trace coolness/consolidation of the collective memory through anniversary and monumental commemoration. The myth of G. Tuqay as of a national poet has occurred and established along with the commemorative practices, thereby determining the vision of the past and group consolidation. The results obtained are important for further studies of anniversary commemoration.

Keywords: collective memory, communicative memory, cultural memory, historic memory, national identity, commemoration, memory space, anniversary, national poet, Gabdulla Tuqay

Figure Captions

Photo 1. A monument to G. Tuqay in a park at the corner of Pushkina and Ostrovskogo str. (near Lake Kaban).

Photo 2. A monument to G. Tuqay (Teatral'naya str. (near the Musa Jalil Tatar State Academic Opera and Ballet Theatre), Kazan).

Photo 3. A commemorative plaque on the wall of the former G.A. Klyachkin hospital.

Photo 4. A commemorative plaque in the corridor neat the door of G. Tuqay's room at the former G.A. Klyachkin hospital.

Photo 5. A portrait sculpture of G. Tuqay in Koshlauch village, Arsk district, Republic of Tatarstan.

Photo 6. G. Tuqay's grave at the old main alley of the Novo-Tatarskoe cemetery in Kazan.

Fig. 1. The number of monuments to G. Tuqay built in ten-year periods.

References

1. Nora P. Between memory and history. Problematics of memory spaces. In: Nora P., Ozouf M., de Puymège J., Vinok M. (Eds.) *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Izd. SPbGU, 1999, pp. 17–50. (In Russian)
2. Eremeeva S.A. *Pamyati pamyatnikov. Praktika monumental'noi kommemoratsii v Rossii XIX – nachala XX v.* [In Memory of Monuments. Practice of Monumental Commemoration in Russia during the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, RGGU, 2015. 529 p. (In Russian)
3. Galyamichev A.N. Jan Hus in the historical memory of the peoples of Europe. *Dialog so Vremenem*, 2015, vol. 53, pp. 107–118. (In Russian)
4. Assman J. *Kul'turnaya pamat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Literacy, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul'tury, 2004. 368 p. (In Russian)
5. Warner W. *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Moscow, St. Petersburg, Univ. Kn., 2000. 671 p. (In Russian)
6. Friderich M. *Gabdulla Tukai kak ob'ekt ideologicheskoi bor'by* [Gabdulla Tuqay as an Object of Ideological Struggle]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2011. 343 p. (In Russian)
7. Akhmetova D.I. *Tukai v fotografiyakh* [Tuqay through Photos]. Kazan, IYaLI, 2016. 48 p. (In Russian)
8. Krivosheeva T.N. Sculpture development in Tatarstan (origin, establishment, continuation of traditions). *Cand. Art Hist. Sci. Diss.* Moscow, 2010. 231 p. (In Russian)
9. Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [A New Discontent and Memorial Culture]. Moscow, 2016. 232 p. (In Russian)
10. Ganieva R.K. Satire in Tuqay's works. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Kazan, 1964. 20 p. (In Russian)
11. Clark K. *Petersburg: Crucible of Cultural Revolution*. Harvard, Harvard Univ. Press, 1998. 377 p.
12. Yudkevich M. Sad Mystery of Tuqay's grave is disclosed. *Vechernyaya Kazan'*, 2011, Sep. 1. Available at: <http://www.evening-kazan.ru/articles/pechalnaya-tayna-mogily-tukaya-raskryta.html>. (In Russian)
13. Malysheva S.Yu. Red Thanatos: Necrosymbolism in Soviet culture. *Arkheol. Russ. Smeri*, 2016, no. 2, pp. 22–46. (In Russian)
14. Lazzarini E.J. Tatarovedenie and the “new historiography” in the Soviet Union: Revising the interpretation of the Tatar-Russian relationship. *Slavic Review*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 625–635.
15. Gimatdinova G.I. G. Tuqay's image from student books of 1930–1980. *Itog. nauch.-obraz. konf. stud. Kazan. fed. univ. 2014 goda: Sb. st.* [Proc. Sci.-Educ. Conf. Stud. Kazan. Fed. Univ. 2014: Collection of Papers]. Vol. 1. Kazan, Kazan. Univ., 2014, pp. 204–206. (In Russian)
16. Gimatdinova G.I. G. Tuqay's image from student books of 1990–2000. *Sb. tez. Vseros. 49-i nauch. stud. konf.* [Proc. All-Russ. 49th Sci. Stud. Conf.]. Cheboksary, Izd. Chuv. Univ., 2015, pp. 126–127. (In Russian)
17. Gimatdinova G.I. Gabdulla Tuqay's image development in cultural memory. *Itog. nauch.-obraz. konf. stud. Kazan. fed. univ. 2015 goda: Sb. st.* [Proc. Sci.-Educ. Conf. Stud. Kazan. Fed. Univ. 2015: Collection of Papers]. Vol. 3. Kazan, Kazan. Univ., 2015, pp. 41–42. (In Russian)
18. Gil N.Ph. Gabdulla Tuqay. My humble name. Available at: http://samlib.ru/g/gil_n_f/. (In Russian)

Для цитирования: Дусаева Э.М., Гиматдинова Г.И. Габдулла Тукай: памятование татарского поэта в юбилейные даты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1577–1594.

For citation: Dusaeva E.M., Gimatdinova G.I. Gabdulla Tuqay: Anniversary commemoration of the Tatar poet. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1577–1594. (In Russian)